

Михаил Бобышов.
 Михаил и Вера
 Фокины в балете
 «Карнавал»,
 1916 год. Превью
 к выставке
 «Видение танца»
 к 100-летию
 «Русских балетов»
 С. П. Дягилева

Премьера
 спектакля
 «Воспоминания
 будущего» по
 драме Лермонтова
 «Маскарад»
 и спектаклю
 Мейерхольда
 1917 года на сцене
 Александринского
 театра

Придворные дамы
 в русских народных
 костюмах.
 Слева — фрейлина
 императрицы
 Александры
 Федоровны
 Анна Вырубова

ждествляя себя с богиней Минервой — символом государственной мудрости и покровительницей ремесел и искусств.

В действе, к разработке сценария которого привлекались лучшие литераторы обеих столиц, приняло участие около четырех тысяч человек и почти двести всевозможных саней, карет и повозок. Гуляли все три дня, правда, с перерывами на ночь.

И в дальнейшем Екатерина II, как и Петр I, будет считать маскарады одним из элементов государственной пропаганды. Но, в отличие от предка-реформатора, стараясь сделать гуляния как можно более народными по своему духу и массовыми. Среди подобных стоит отметить масштабное торжество на Ходыньском поле 21–23 июня 1775 года, посвященное победе над Турцией и присоединению Крыма к России.

Расцвет балов-маскарадов как утонченного развлечения приходится в России на XIX век. Костюмированные балы стали даваться кем угодно — от гимназистов до банкиров. Спрос породил предложение, и в столицах стали появляться магазины готовых маскарадных костюмов. Маскарады стали настолько популярны, что именно с помощью проведения публичных костюмированных вечеров правительство собирало средства на формирование фонда в пользу раненых и инвалидов войны 1812 года. Кроме того, согласно указу Александра I от 1816 года, «каждый театр в государстве обязан давать маскарады для увечных воинов однажды в год...»

Следующий император, Николай I, структурировал всеобщее веселье, при нем для права проведения маскарада стало необходимо получить от правительства «привилегию». В Санкт-Петербурге ее счастливым обладателем стал в 1829 году отставной полковник Василий Васильевич Энгельгард. Человек небедный, он быстро возвел на Невском проспекте обширный дом, который начал сдавать под проведение всевозможных общественных увеселений. «Вот храм вкуса, храм великолепия, открыт для публики! Все что выдумала роскошь, что приобрела утонченность общежития, соединено здесь. Тысячи свеч горят в богатых бронзовых люстрах и отражаются в зеркалах, в мраморах и паркетах. Отличная музыка гремит в обширных залах...» — писалось в одной из тогдашних рекламных статей.

Что же до дворцовых маскарадов, то, пожалуй, самый знаменитый состоялся в честь 290-летия дома Романовых, 11 и 13 февраля 1903 года в Зимнем дворце. Вся высшая знать империи, около четырехсот человек, была

приглашена после Рождественского поста на празднование славной годовщины. Темой торжества, как бы сейчас сказали, стала допетровская эпоха: и гости, и члены августейшей фамилии оделись в наряды времен царя Алексея Михайловича. На самом Николае II, естественно, было «выходное платье царя Алексея Михайловича», императрица Александра Федоровна рядилась в костюм царицы Марии Ильиничны. Придворные дамы облачились в сарафаны и кокошники от лучших кутюрье того времени, кавалеры щеголяли в одеждах стрельцов или сокольничих. Барон и генерал Феофил Егорович Мейендорф так вообще в кольчуге пришел. «Очень красиво выглядела зала, наполненная древними русскими людьми», — писал Николай II в своем дневнике. Этот бал стал последним крупным маскарадом в империи. Потом было уже не до балов, а затем и империя исчезла.

В советские времена костюмированные вечера стали крайне политизированными: рабочая молодежь рядилась в «буржуев», высмеивая «их нравы». Рождественские маскарады попали под запрет вместе с Рождеством, и вернулись только в 1934 году в виде костюмированных новогодних елок, когда по приказу товарища Сталина «жить стало лучше, жить стало веселей». При этом темой для праздников, как правило, становились победы и достижения советской страны, а праздник окончательно стал детским. В конце тридцатых мальчики рядились челюскинцами, в начале сороковых девочки — испанками, после победы в Великой Отечественной детвора одевалась военными и моряками, позже — космонавтами и электрониками.

Важная веха: в магазинах снова появились маски (костюмы приходилось шить самим, дореволюционная индустрия не воскресла) и прообразы современных корпоративов — костюмированные новогодние елки в рамках НИИ или завода. Помните, у Высоцкого: «Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков». Собственно, со «слонов и алкоголиков» начинается новая жизнь маскарада в рамках корпоративной культуры или программ личностного роста. И специалисты по персоналу, и тренеры лидерских программ с легкой руки авторов книг по психологии очень хорошо относятся к различным маскарадным элементам. А собственно общественных маскарадов, начиная с XX века, в России нет. Не прижились. Пожалуй, единственное исключение (да и то не такое массовое, как кажется, а в глубинке и вовсе не поддержанное) — это Хеллоуин.

Сергей Кутумов